

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

Лихачевские чтения уже третий год подряд обращаются к теме будущего. Учитывая, что они собирают сотни гуманитариев из разных областей знания и разных стран, такую сосредоточенность саму по себе можно считать симптомом того, что будущее стало проблемой, источником неотпускающей боли современного человека и его общественного организма.

1

В докладе 2017 года «Будущее без будущего» я попытался предложить свой диагноз, суть которого в уточненном варианте можно резюмировать в следующих положениях:

— необходимо отличать будущее как аспект физического времени от будущего как социальной (исторической) категории, во втором случае оно включает не всю формальную совокупность событий, которые происходят после того момента, от которого ведется отсчет и которое обозначается как настоящее, а только те из них, которые по своему содержанию и ценностной нагруженности являются отрицанием настоящего, его качественным преобразованием;

— социальное будущее не есть нечто реальное, некое скрытое от нас и маячащее впереди состояние, которого мы хотим достичь, оно существует только в модусе возможности, не в том смысле, что оно может быть различным, оно само есть лишь возможность, его нет в отрыве от самих субъектов, чьим будущим оно является и существует только в форме их ожиданий, деятельных устремлений и целей в той мере, в какой эти последние выражают неудовлетворенность настоящим и выводят за его границы;

— ориентированность в социальном времени — не постоянное свойство человеческих обществ (доисторическая эпоха, когда не было такой ориентированности, многократно превышает по длительности историческую эпоху), а нацеленность на будущее и вовсе является недавним приобретением —

признаком новоевропейской цивилизации, развивающейся под знаком прогресса и понимающей будущее не только как то, что наступает после того, что есть, но и как то, что непременно должно быть другим, принципиально лучше него;

— идея прогресса, конкретизированная как демократическое переустройство общества, вера в силу разума и миропреобразующую роль техники, была основной духовной силой, двигавшей людьми в их борьбе против сословно-феодалного строя, за те достижения в науке, культуре, технологиях, практике гражданской жизни, человеческом развитии, которые в совокупности составляют то, что именуется капиталистической (западной) цивилизацией;

— ситуация изменилась, когда капитализм победил и вопрос о прогрессе, о социальном будущем стал вопросом о будущем самого капитализма: идея прогресса расщепилась на две линии — охранительно-эволюционную, исходившую из убеждения, что капитализм имеет неограниченные возможности эволюции на собственной основе, и революционно-критическую, нацеленную на низвержение капитализма во имя коммунистического братства всех людей и народов;

— идейное противостояние по отношению к будущему капитализма после победы Октябрьской революции 1917 года и построения социалистического общества без частной собственности и рыночной экономики первоначально в форме одного государства (СССР), а после Второй мировой войны — целого ряда государств социалистического блока приняло характер открытой борьбы двух систем, которая была борьбой двух линий общественного развития: одной, нацеленной на продолжение истории в сторону справедливого жизнеустройства, и другой, исходящей из ее принципиальной завершенности на буржуазно-демократической вершине. Победа капитализма (как бы его ни называли — поздним капитализмом, информационным обществом, постиндустриальным обществом и т. п.) в этой борьбе принесла ему в качестве основного трофея гарантированное будущее, которое понимается как пролонгация настоящего, хотя и постоянно улучшающегося, но неизменного в своих базовых принципах, — словом, будущее без будущего, как физическая длительность, как «после», но

не как качественное изменение, не как «другое», оно было истолковано и закрепилось в общественном сознании победителей как доказательство ложности самих представлений об идеальном обществе.

2

Существует много свидетельств того, что представления о социальном будущем потеряли силу движущих мотивов общественного развития. Ушла (или уходит) в прошлое эпоха союзов и противостояний общественных движений и государств на основе различий идеологий, социального устройства и прокламируемых исторических целей, на первый план вышли плохо маскируемые сугубо прагматические интересы отдельных государств и их столь же прагматичных союзов. Предметом спора на всемирном «чемпионате» государств, стран и народов являются не проекты общеисторического развития человечества, а различные культурно-цивилизационные идентичности. Геополитические различия стали довлеть над социальными. Место одной исторической истины заняло много разнокультурных правд. Деление на своих и чужих оказывается несравненно важнее деления по критерию справедливости. Меняется сама ориентированность общественного сознания с социального времени на геополитическое пространство. Соответственно представления о более совершенном будущем теряют свою социально мотивирующую роль и уступают место стремлению более комфортно устроиться в настоящем согласно пословице «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Люди больше сосредоточены на прошлом и спорах о нем, чем на будущем, охотнее выделяют то, что отличает их культуру от других культур, чем то, что соединяет с ними. Значительно возрос интерес к религиозным и другим мистическим представлениям, выносящим вопрос о будущем за пределы земной жизни. Укороченность общественного сознания обнаруживается не только в тематических приоритетах и пропагандистских акцентах людей, обслуживающих сферу идеологии, она стала также повседневным фактом. Это выражается, например, в том, что изменился общепринятый канон человеческих

ожиданий и целей, став очевидным образом прагматично сниженным и приватно ориентированным. В масштабе государства, конечно, формулируются некие общие цели и стратегические планы, которые имеют административное и прочее значение в процессе управления, однако они не имеют личностного смысла и не занимают важного места в системе ценностных приоритетов, которыми руководствуются люди в своем поведении. Да и сами эти цели и планы, будучи прагматично ориентированы (замкнуты на электоральный цикл и прочую конъюнктуру), не предполагают такого непосредственного живого отклика. К примеру, в мае 2018 года президентом РФ была поставлена задача — Россия к 2024 году должна войти в пятерку ведущих экономик мира. Задача важная, напрямую связанная с будущим страны. Но трудно представить себе реальную межчеловеческую ситуацию (дружескую встречу, застольный разговор, спонтанный спор, родительскую беседу и т. п.), в которой могла бы зайти речь о данном предмете, этого невозможно представить даже в форме шутки или анекдота, имея в виду, что это не первый срок, поставленный для этой цели.

Складывается впечатление, что из общественного сознания современных развитых и развивающихся стран исчезает (сместилась на периферию) ориентация на историческое будущее, идеальное переустройство общества. Историческое (социальное) будущее сливается с физическим будущим и выступает как дьящееся настоящее. Это изменение имеет фундаментальный характер, обозначает принципиально новый способ бытия человека. Оно порождено многообразными факторами и имеет противоречивые следствия, не только негативные. Это изменение, в частности, также свидетельствует о высоком уровне интеллектуальной и социальной зрелости современного человека. За ним стоит выстраданное трагическими опытами сознание того, что историческое будущее нельзя познать. И не только потому, что его не существует как некоего состояния и оно не может быть объектом познания, оно конструируется, создается деятельностью людей, при этом деятельностью практически бесчисленного их количества, так что получаемый совокупный

результат оказывается их непредсказуемой равнодействующей. Будущее общества нельзя познать не только в целом, но и в отдельных лицах и событиях. Его нельзя также предсказать и предвидеть с точностью, которая хотя бы в приблизительной степени была научно приемлемой (это одна из причин живучести всякого рода гаданий по звездам, линиям руки, на кофейной гуще, золе, полетах и криках птиц и тому подобной чепухе). Как писал Л. Н. Толстой, «мало того что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества: людям бывает нехорошо оттого, что они думают, что могут знать это»¹. Ложная, хотя и заманчивая цель прекрасного будущего становится источником непроизводительного расходования социальной энергии. К тому же она, как правило, выступает оправданием чрезмерных жестокостей и напрасных жертв: апелляция к счастливому будущему — один из излюбленных аргументов, к которому прибегают сторонники войн и других форм государственного насилия. Соединение того и другого приводит к тому, что так называемое познание или предвидение будущего оказывается идеологемой, которая чаще всего оборачивается своей противоположностью. Наглядной иллюстрацией этого является то, что литературные утопии, с которых начиналось Новое время, обернулись реальными антиутопиями XX века.

Отказ от будущего как более или менее, но всегда неопределенно отдаленного во времени состояния общества не означает обязательно род эскапизма, отшельничества или какой-то иной внесоциальной, антисоциальной позиции. Это может быть вполне активная и в высшей степени реалистическая позиция по отношению к будущему, понимающая его как то, чем оно является на самом деле, — неким состоянием, которое наступит после настоящего. Поэтому отношение к нему является превращенной (косвенной) формой отношения к настоящему, выражением степени довольства и недовольства им, прежде всего мерой критичности по отношению к настоящему. Человек не знает будущего, может обмануться и быть обманутым относительно того, каким оно будет, но он хорошо и определенно знает, каким оно должно не быть, знает, что

¹ Толстой Л. Н. О значении русской революции // Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1926. Т. 36. С. 352.

в настоящем неприемлемо для него и чего он ни в коем случае не хотел бы видеть воспроизводимым во времени. Это знание, непосредственно влияющее на степень, характер, направленность его общественной активности, на его мысли и действия, будучи формой его актуального деятельного состояния, есть в то же время его фактическое отношение к будущему, работа на будущее. К примеру, могут быть разные образы будущего, но во всех случаях ни один здравомыслящий человек, находящийся на современном уровне гуманитарного сознания, не согласится включить в него в качестве нормы насилие и войны. Даже те, кто оправдывает эти варварские формы отношений между людьми, ссылаясь на то, что они необходимы в качестве условия борьбы за справедливое будущее, делают это, стараясь убедить себя в том, что все это делается во имя будущего, в котором уже не будет никакого насилия и войн. Самые жестокие и бесчеловечные войны, какими были обе мировые войны XX века, велись в ложном убеждении, что каждая из них является последней.

3

За потерей исторической перспективы как доминанты общественного сознания можно увидеть новую структуру ответственности, в которой индивидуально-нравственная ответственность довлеет над социально-функциональной, является первичной по отношению к ней. Это значит, что себя в качестве существа, обладающего разумной волей, свою нацеленность на совершенствование, идеальную завершенность человек реализует в рамках индивидуально-ответственного существования, которое включает, разумеется, и социальную (материальную) ответственность, но в качестве вторичного приобщенного момента. Это значит, что, выполняя ту или иную общественную функцию, индивид действует не анонимно, а персонально, не от имени функции, а от своего имени. Любое общественное действие есть действие данного конкретного индивида. За ним всегда стоит живая душа, не только в том смысле, что без нее, живой души, ее решения и решимости совершить данное действие, оно бы не совершилось, — совершаемое индивидом действие,

каким бы внешне обусловленным оно ни было, является его субъективным актом, решением и становится моментом истории его души. В свое время (в 1902 г.) Лев Николаевич Толстой написал письмо царю Николаю II, обратившись к нему со словами «Любезный брат!», смысл которого состоял в следующем: «Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша ответственность перед богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь и которую бог дал Вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя бы участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять его волю. Воля же его в том, чтобы делать не зло, а добро людям»². Это невероятное письмо, которое на первый взгляд кажется даже казусом, интересно тем, что в нем Толстой на примере предельного случая обнажает определенную, индивидуально-ответственную, логику человеческого существования: даже самодержец, единолично олицетворяющий государство, действует в персональном качестве, не может оправдать своих жестокостей и других злых дел, прикрывая их благом государства, общества, истории, Отечества и прочими анонимными понятиями, лишенными самостоятельной субъектности. Отказ от гипноза будущего, разумеется, не обязательно ведет к персонально ответственному общественному поведению, он может сочетаться с потребительством, цинизмом, другими формами эгоизма, однако, в отличие от последних, которые вполне могут протекать также в рамках лживо-демагогического отношения к будущему, персонально ответственное общественное поведение прямо связано с таким отказом.

Словом, если стремление к идеалу, совершенству не может быть реализовано в качестве социологического проекта и, обращенное в будущее, дезориентирует человеческое поведение, то ничто не мешает тому, чтобы оно могло состояться в качестве индивидуальных жизненных программ конкретных

² Толстой Л. Н. Письмо Николаю Второму // Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1954. Т. 73. С. 190.

индивидов, раскрывающих себя в мире в качестве суверенных, автономных личностей.

В связи с этим два слова о модной сегодня цифровизации. Как считается, хранение и передача информации на основе искусственного интеллекта в цифровой форме открывают невероятные технологические перспективы, позволяющие взять под контроль и неограниченно расширять возможности человека во всех сферах его жизнедеятельности. Речь идет о передаче умным машинам всей техники жизни, о полноценной и даже многократно более совершенной замене человека в его физических и рассудочных (интеллектуальных) функциях. Принципиально раздвигается диапазон свободы человека, Интернет позволяет индивиду преодолеть физическую привязанность к пространству и времени, а также включаться в сетевые сообщества, непосредственно реализуя свои общественные предпочтения. Цифровизацию можно рассматривать как технический базис персонализации общественной жизни, когда индивид не может затеряться в толпе, скрыть свое общественное лицо в анонимности исторического события и когда, с другой стороны, он, будучи один (например, на даче), может находиться в гуще событий (слушать доклад коллеги на другом конце земного шара или принимать участие в гражданской акции).

Однако цифровизация — это не только вдохновляющие возможности, но и зловещие опасности. Как отмечает академик В. А. Лекторский³, она означает вызов и угрозу коренным условиям человеческого существования. Перспективы, связанные с продлением физического существования вплоть до реализации идеи бессмертия, грозят потерей идентичности человека, его переходом в иное, нечеловеческое, состояние. Возможности чтения мыслей путем прямого снятия информации с нейродинамических кодов головного мозга грозят опасностью тотального контроля над поведением. Уже сейчас

³ В статье «Возможны ли науки о человеке?» (Вопросы философии. 2015. № 5) В. А. Лекторский пишет: «Все более становится ясным новое обстоятельство: современные науки о человеке могут создать принципиально иной уровень человеческого развития, но они же при определенных условиях могут использоваться для деградации человека, его расчеловечивания — в этом случае окажется, что именно развитие наук о человеке приведет к тому, что человек в привычном нам смысле исчезнет, погибнет» (URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1153&Itemid=52).

размывается граница между частным и публичным пространствами, в результате чего под угрозой оказывается тайна личной жизни. То, что развитие техники связано с развитием исходящих от нее опасностей, — очевидный факт. Критическая точка была достигнута созданием ядерного оружия, поставившего человечество на грань самоуничтожения. Новые технологии, насколько можно судить, более явственно обозначают критическую стадию, когда сопряженные с ними опасности в силу масштаба и необратимости обесмысливают их позитивные результаты.

Человеку свойственно рисковать, играть с огнем («Всё, всё, что гибелью грозит, / для сердца смертного таит / Незыблемы наслажденья...»), в его натуре заложено стремление властвовать над миром («Я царь познания и свободы»), быть его центром, смотреть на него глазами Бога. Вся культура, в конце концов, представляет собой неустанный и всесторонний опыт приручения природы, управления ею. Поэтому процесс технического прогресса, наращивания технологической мощи и производительных возможностей человека, вплоть до его стремления преодолеть самого себя, надо принять если не как благо, то как факт. По-видимому, единственный способ противостоять этому движению человечества навстречу собственной гибели состоит в том, чтобы совершенствовать старые и вырабатывать новые страховочные механизмы, способные блокировать, сглаживать опасности, которые несет прогресс.

Всякое добро имеет свое зло. Одно не может существовать без другого. Важно, однако, чтобы они сохраняли разнозначность и отношения между ними оставались однонаправленными, чтобы зло не обрело самостоятельности, оставалось зависимым от добра, его выражением и дополнением. Так, к сожалению, бывает не всегда, зло может оборвать пуповинную связь с добром, претендовать на то, чтобы быть равновеликим ему. Это относится к общественному опыту так же, как и к индивидуальному. Подобно тому как в отдельном человеке недостатки могут быть и чаще всего бывают продолжением его достоинств, но в определенных случаях являются самостоятельными

чертами характера, в результате чего сам индивид становится жертвой своего характера, так и в обществе бывают недостатки, которые неизбежно сопровождают достижения (например, безработица — рыночную экономику), связаны с ними столь неразрывно, что без них были бы невозможны сами достижения, но в то же время какие-то общественные недостатки не имеют прямой привязки к достижениям (как, например, работорговля в современном мире) и представляют собой зло как таковое. Общественные механизмы, призванные сдерживать, подчищать, устранять зло в обществе, должны учитывать характер и масштабы зла, прежде всего указанное различие между злом, сопутствующим добру и потому терпимым, поддающимся смягчению, и злом «автономным», противостоящим добру в качестве самостоятельной силы и бросающим ему вызов.

Общий подход борьбы с социально опасным злом, который практикуется в современных обществах, базируется на двух принципах: а) убеждении, что благо общества (государства, народа, будущего и т. п.) выше благополучия отдельных лиц, и б) уверенности, что необходимо отделять зерна от плевел и выбраковывать тех, кто представляют угрозу обществу (государству), и создавать такие внешние социально-экономические, политические, юридические и прочие условия и ограничения, которые были бы способны удерживать негативные проявления действий отдельных индивидов и их групп на уровне, приемлемом для воспроизводства и развития общества. Такой подход был эффективен, пока зло в обществе не имело абсолютного характера и не было способно поставить под угрозу существование самого социума, тем более существование человечества и всей жизни на Земле. В настоящее время ситуация изменилась, и такое потенциально абсолютное (абсолютно неприемлемое) зло появилось. Ядерное оружие — наиболее яркий, но не единственный пример технологического «прогресса», заключающего возможность зла, способного уничтожить все достижения культуры и цивилизации, даже все живое на Земле.

Самое важное: запустить такое зло с его необратимо смертельными для человечества и земной жизни последствиями могут отдельные индивиды. Если раньше возможности зла отдельных индивидов (так называемых гениев зла, будь то на криминальном или государственном уровне) были технически ограничены, то сейчас они технически возможны. Это означает, что противостоять такому злу невозможно без того, чтобы не отказаться от господствующих ложных взглядов, будто благо общества выше блага отдельных лиц, а действия людей можно гарантированно взять под внешний контроль. Вся история человечества убедительно показывает и доказывает, что зло очень часто и в огромных масштабах совершалось под прикрытием и во имя общего блага и что нельзя извне полностью контролировать действия людей даже тогда, когда они низведены на рабский уровень говорящих орудий. Конечно, не все, что совершается под знаменем общего блага, является злом, но в интересующем нас случае достаточно того, что зло вполне способно прикрываться им; можно даже сказать: для добра не обязательно апеллировать к общему благу, а зло не может обойтись без этого. Почему, например, не быть какому-нибудь фанатику, который может посчитать, что сгореть в мировом пожаре будет настоящим благом для человечества?! Что касается возможности сплошной (лишенной лакун) внешней детерминации решений и действий индивидов, то достаточно того аргумента, что она исключается идеей свободной воли. И если у нашего фанатика появится возможность реализовать свою безумную идею, то что может помешать ему это сделать?

Адекватным ответом на глобальные опасности, потенциально заложенные в злоупотреблениях неограниченными возможностями технического прогресса, может стать новый гуманитарный поворот, основанный на принципиально иных убеждениях: а) индивидуальное благо — выше блага целого; б) персональная (нравственная) ответственность — выше социальной (функциональной) ответственности. Речь идет о коренном изменении нравственных основ совместной жизни людей, исходящем из того, что люди не командуют людьми и общество не довлеет над индивидами, сковывая их внешними обручами

законов, границ, идеологий, норм, властей, героев и так далее, а является выражением и следствием свободного развития каждого из них.

Если говорить о реальных провозвестиях такого изменения, то они, к сожалению, удручающе малочисленны, но все-таки имеются. Можно указать на учения и практики (непротивленчество Толстого и его сторонников, ненасильственные общественно-политические движения под руководством Ганди и Кинга, другие ненасильственные опыты) радикального (не допускающего никаких исключений) отказа от насилия как средства разрешения конфликтов, в том числе и прежде всего как средства борьбы за справедливость. Можно сослаться также на сложную, противоречивую, но тем не менее совершенно определенную в своей превалирующей тенденции и открывающую новые гуманитарные перспективы этико-правовую практику прав человека.

Мир, в котором нет войн и насилия, нет вооруженных отрядов, охраняющих «священные» границы и привилегии, в котором индивидуальная ответственность и индивидуальное развитие каждого являются основой и условием развития всех, воспринимается современным человеком и канонизированным гуманитарным знанием в лучшем случае в качестве несбыточной утопии. Он кажется утопией и является ею с точки зрения сегодняшнего мира, отрицанием которого является. И человек сегодняшнего мира, не представляющий себе жизни и благополучия без опоры на насилие, не может думать иначе. Однако эта утопия в высшей степени реалистична, потому что ее основой и гарантией служит исключительно разумная воля и потому что она является единственной возможностью самосохранения человека в качестве разумного существа и человечества в качестве разумно организованного общежития. А появляющиеся новые технологические возможности, впечатляющим выражением которых выступает цифровизация, позволяют предположить, что данная утопия реалистична и с технической точки зрения.